

*Original research paper**Received: 3.11.2019
Accepted: 14.07.2020***БЛОК И ФРЕЙД: ФИГУРА МЕЛАНХОЛИИ**

Izabella Malej

ORCID: 0000-0002-9219-3131

*Uniwersytet Wrocławski**Wrocław, Polska**izabella.malej@uwr.edu.pl*

Ключевые слова: *Александр Блок, меланхолия, психоанализ, Вечная Женственность, утрата*

На протяжении всей истории изучения меланхолии, насчитывающей более двух тысяч лет¹, одно стало понятным наверняка: меланхолия – это пограничное состояние, не поддающееся точному определению, указывающее на дуализм человека, в котором тело и дух ведут непрекращающийся дискурс. Фридрих Ницше небезосновательно констатировал, что «человек есть наиболее меланхоличное из всех животных» [Dybel 2000: 149, перевод – I.M.]. Немецкий философ указал на органичный и универсальный характер феномена черной желчи², как называли состояние глубокой грусти и тревоги в древности³, а также его психическую ценность, делающую возможной реституцию «я». В своем определении меланхолии Ницше соединил характерную для ее понимания

¹ Первым употребил понятие меланхолии Аристотель, понимая ее как возвышенное состояние, присущее выдающимся людям [ср.: Földényi 2011: 11, 15].

² Черная желчь, наряду с мокротой, желчью (желтой или красной) и кровью, в античные времена считалась соком, имитирующим землю, доминирующим осенью и в зрелом возрасте. Смесь всех четырех соков определяет, в зависимости от пропорции, характер человека (флегматик, сангвиник, холерик или меланхолик). Больше по теме: Klibansky, Panosky, Saxl, 2009: 25–35.

³ Меланхолия, то есть буквально черная желчь (*mélaina cholé*), в своем элементарном значении относилась к качеству тела, и поэтому имела соматический характер. Однако в творчестве античных деятелей, особенно Гомера и Софокла, мы видим следы связи черной желчи и духа (ума).

двунаправленность (которую в ней находили и более ранние интерпретаторы⁴, понимающие меланхолию как тип восприятия) с определенной структурой толкования мира и вписанного в него человека. Динамичное развитие исследований человеческих эмоций, свойственное для эпохи конца XIX – начала XX вв., привело к тому, что меланхолия становится воспринимаемой практически *ab ovo* как состояние экзистенциальное, психологическое и личностное одновременно.

Значительное участие в этом принимали русские символисты, базирующие свое творчество на обновляющихся и двойственных эмоциях, рожденных состоянием души, жаждущей чего-то неопределимого, наслаждающейся одиночеством и погруженной в страдание столь же сладкое, сколь и мучительное. Андрей Белый воспринимал поэтический образ как «модель сознания», добавляя также, что речь идет о «модели переживаемого содержания сознания» [Белый 1994: 236]. Вот почему новое искусство, согласно постулатам Белого, должно ориентироваться на «образы вымысла» [Белый 1994: 237], что означало необходимость выхода за границы сознания, их пересечения. Этому проживанию собственного «я» вкупе с путешествиями по территориям доселе неизведанным чаще всего неосознанно сопутствует меланхолия как реакция на сопротивление действительности. Особенно сильно это заметно у Александра Блока, поддающегося меланхолическим настроениям с юных лет, в которых искало убежища его собственное бессилие по отношению ко всему внешнему⁵. Высокая степень эмоциональности творчества Блока определяет личностный, интимный способ восприятия мира и себя самого. Как верно отметила Лидия Колобаева, «остро личностное, сугубо индивидуальное чувство – влюбленность – становится в его творчестве одной из главных поэтических форм переживания бытия и „вочеловечения» мира» [Колобаева 2000: 155]. Блок неоднократно повторял, что «[...] только влюбленный / Имеет право на звание человека» [Блок 1960, т. 2: 289]. Это убеждение становится для поэта источником мечты об идеале женственности, которая в одинаковой мере и реализовала бы его желание идеальной любви, и преобразила бы мир и его самого, открывая пути к иным измерениям бытия. Вот почему Блок, очарованный софиологической концепцией Владимира Соловьева [Соловьев 1997; Соловьев 1991: 99–160; Конева 1993; Лосев 2009; Козырев 1995; Гунченко 2006, Бужор 2017], призывает «богиню жизни» –

⁴ Первым, кто описал меланхолию как болезнь, был Гиппократ, и хотя его внимание в первую очередь занимали физические симптомы, он также увидел духовные последствия ядовитой для крови черной желчи. Неправильные пропорции соков в организме человека приводят, по словам ученого, к болезни. «Относящаяся прежде всего к духовным состояниям меланхолия (черная желчь) – это специфический случай смеси всего в плохих пропорциях, и в этой смеси состояние тела объединяется с тревогой и подавленностью» [Földényi 2011: 13, перевод – I.M.].

⁵ Свой дневник Блок начинает с описания сна, в котором он пережил раздвоение: «Я раздвоился. И вот жду, сознающий, на опушке, а – другой – совершаю в далеких полях заветное дело. И – ужасный сон! – непостижно начинаю я, ожидающий, тосковать о том, совершающем дело, и о совершенном деле...», <http://blok.lit-info.ru/blok/dnevnik/dnevnik-1901-1902.htm> (11.03.2019).

Вечную Женственность, балансируя между крайними эмоциями, вызванными приятным и приносящим боль ожиданием одновременно:

Курятся алтари, дымят паникадила
Детей земли.
Богиня жизни, тайное светило –
Вдали.
Поют торжественно; победно славословят
Немую твердь.
И дланями пустынный воздух ловят,
Приемля смерть.
Неуловимая, она не между нами
И вне земли.
А мы, зовущие победными словами,–
В пыли [Блок 1960, т. 1: 59].

С этого момента две движущие силы, Эрос и Танатос, образуют в видениях Блока неразлучную пару. Это провоцирует появление типичного для меланхолика состояния расщепления своего «я», а сама меланхолия приобретает вид мрачного двойника⁶, движимого любовным чувством, колеблющимся между страстью и страданием. Таким образом, на смену соматическому характеру меланхолии приходит ее психическая природа, объяснить которую – совершенно вивисекционно – попытались психоаналитики XX века во главе с Зигмундом Фрейдом.

Понятие меланхолии, появляющееся в пространных размышлениях Фрейда, многозначно, и вмещает оно в себя как строго клиническую ее интерпретацию, так и психологическую, и философскую⁷. Меланхолия, понимаемая австралийским врачом как разновидность духовного кризиса, который может привести к самоубийству, проявляется, прежде всего, как проблема индивидуума, ощущаемая им в отношении как другого человека, так и себя самого. В раздумьях Фрейда меланхолия становится центральной фигурой восприятия человека не столько в качестве психического заболевания или даже особенного душевного состояния, сколько в качестве конфронтационного отношения эго к себе самому и внешнему миру. С животным миром человека связывает его импульсивная натура, а разделяет, в свою очередь, первое вытеснение либидальных сил. В этом действии человек становится – как того хочет Фрейд – меланхоликом, а сама меланхолия отождествляется с рождением всего типично человеческого, с появлением первой трещины в отношении к самому себе. В эмоциональном плане

⁶ Ю. Кристева назвала меланхолию мрачным двойником любовного страдания [см.: Kristeva 2007: 7].

⁷ Фрейд в 1915 г. эссе *Скорбь и меланхолия*, целиком посвящая его этим явлениям, но как лейтмотив меланхолия проходит через все его творчество. Фрейдовскую концепцию меланхолии позднее развивали исследователи: Мелани Кляйн [Klein 2007, особенно раздел 20: *Żaloba i je zwiqzek ze stanami depresyjno-maniakalnymi* (Скорбь и ее связь с депрессивно-маниакальными состояниями)], а также Юлия Кристева [Kristeva 2007].

такое состояние порождает чувство нецельности, беспокойства, потери психической стабильности: надломленное эго начинает метаться между «внутренним ребенком» (*ид*), стремящимся к удовлетворению желаний с целью получения удовольствия, и совестью (*суперэго*), тормозящей социально неприемлемые импульсы из бессознательного. Согласно Фрейду,

меланхолия, если говорить о психике, отличается глубоким и мучительным разочарованием, прекращением интереса к внешнему миру, потерей способности к любви, торможением каждого процесса и ухудшением самочувствия, выражающимся в форме недовольств и претензий к самому себе, вплоть до нездорового ожидания наказания [Freud 2009: 147, перевод – I.M.].

Этот конгломерат черт позволяет, по мнению Фрейда, сравнивать меланхолию со скорбью. В результате этого сравнения психоаналитик отмечает, что скорбь отличается от меланхолии только в одном аспекте:

В случае скорби самочувствие не ухудшается. В остальном же все происходит одинаково. Глубокая скорбь как реакция на потерю близкого человека содержит в себе точно такое же ощущение боли; эта реакция связана с утратой интереса к внешнему миру (если он не провоцирует воспоминаний об умершем), с потерей способности к выбору какого бы то ни было объекта любви, который мог бы появиться на месте ушедшего человека, с отстранением от всего, что не было бы связано с воспоминаниями о покинувшем этот мир [Freud 2009: 148, перевод – I.M.],

– объясняет доктор. И если в случае скорби пустеет и беднеет внешний мир, то при меланхолии пустеет и беднеет собственно «я». Следовательно, меланхолия развивается из некоей потери, которая произошла внутри эго. Примечательно, что душа Блока (что символично – такая же меланхолическая), скованная своим собственным, непонятым и конфликтующим с миром «я», проявляет, особенно в раннем творчестве, тоску по желанию, которое не может быть реализовано. Здесь мы имеем в виду первый том произведений Блока, в который вошли циклы: *Ante Lucem* (1898–1900), *Стихи о Прекрасной Даме* (1901–1902) и *Распутья* (1902–1904).

О тяге человека к глубинам духа (неба) и тела (земли) писал Блок, вдохновленный книгой Дмитрия Мережковского *Л. Толстой и Ф. Достоевский* (1900–1902), в своем *Дневнике* в 1902 г.:

Тоскование всегда предполагает желание соединения – какую-то неудовлетворенную отделенность, порывание или непрерывное стремление воссоединиться; одним из великих парадоксов, которым живут ищущие, можно считать то, что нет большей близости, чем наибольшая отделенность, нет большей тоски, чем наибольшая радость. И в нашей поэзии неутолимейшее желание часто равно совершенному успокоению, величайшая радость – непрестанному тоскованию. Все восходит к одной вершине, и на ней-то уж не можем мы, дети земли, различить наших здешних противоположностей⁸.

⁸ <http://blok.lit-info.ru/blok/dnevnik/dnevnik-1901-1902.htm> (11.03.2019).

Таким образом, единственный выход – уйти в мистические сновидения, в которых поэтическое «я» находится на грани бодрствования и сна. Ее лирическое воплощение у Блока – многоликая проекция образа Вечной Женственности: соловьевская София.

Премудрость Божия предстает здесь в маске русской Венеры, Авроры, Таинственной Девы или Вечной Жены. В то же время поэт ищет в окружающем его мире кого-то, кто бы соответствовал его идеалу, и находит, как ему казалось, в своей будущей жене Любови Менделеевой. Начало периода мистических взлетов и падений на эмоциональной карусели восходит примерно к середине 1900 года: «Начинается чтение книг; история философии. Мистика начинается»⁹, – вспоминает Блок тот период. Первые стихотворения, которые появлялись в те времена, были обращены к Прекрасной Даме и стали свидетельством поклонения идеалу, но в то же время – проявлением чувства к реальной женщине. Эти два страстных желания, связанные между собой, становятся для Блока источником вспышек вожделения и высочайшего подъема духа мистической природы:

Одинокий, к тебе прихожу,
Околдован огнями любви.
Ты гадаешь. – Меня не зови. –
Я и сам уж давно ворожу.

От тяжелого бремени лет
Я спасался одной ворожкой
И опять ворожу над тобой,
Но не ясен и смутен ответ.

Ворожкой полоненные дни
Я лелею года, – не зови...
Только скоро ль погаснут огни
Заколдованной темной любви? [Блок 1960, т. 1: 93].

Предчувствую Тебя. Года проходят мимо –
Всё в облике одном предчувствую Тебя.

Весь горизонт в огне – и ясен нестерпимо,
И молча жду, – *тоскуя и любя*.

Весь горизонт в огне, и близко появленье,
Но страшно мне: изменишь облик Ты,

И дерзкое возбудишь подозренье,
Сменив в конце привычные черты.

О, как паду – и горестно и низко,
Не одолев смертельные мечты!

⁹ <http://blok.lit-info.ru/blok/dnevnik/dnevnik-1918.htm> (11.03.2019).

Как ясен горизонт! И лучезарность близко.
Но страшно мне: изменишь облик Ты [Блок 1960, т. 1: 94].

Характерно, что настроением, связывающим воедино эти бинарные переживания, становится мучающее поэта чувство вины, которое нарастает с течением времени, доводя его до состояния безумия (*И я, неверный, тосковал...; Не сердись и прости. Ты цветешь одиноко...; Я медленно сходил с ума...*). Мотив предельного напряжения ожидания, чередующихся экстазов и сомнений является основой произведений Блока того периода. Эти же эмоции сопутствуют и записи в *Дневнике* 1902 г.: «Я хочу сверх-слов и сверх-объятий. Я ХОЧУ ТОГО, ЧТО БУДЕТ. [...] То, чего я хочу, сбудется»¹⁰. И все же Блок ошибается, утрата мечты о физическом и духовном единении с Возлюбленной была неизбежна, тем более, что предчувствие неудачи сопутствовало поэту с самого начала. Разочарованием завершился также его брак с Любовью, которая оказалась не мистиком, о чем мечтал Блок, а, по его собственному определению, вполне земной женщиной. Вследствие этой двойной неудачи, произошедшей в реальном и онирическом мирах, Блок становится мрачным, печальным человеком¹¹, который, как сказал бы Фрейд, потерял не только мир, но и собственное «я». И именно это заставляет нас увидеть в Блоке-символисте меланхолика.

Фигура Любви – Прекрасной Дамы была и в жизни, и в поэзии объектом, выбранным Блоком, на который он проецировал свои мечты о воссоединении с Софией – Вечной Женственностью. Следствием этого есть одновременная связь либидо и с конкретным человеком, и с идеализированным образом. Испытав разочарование со стороны своей возлюбленной, Блок пребывает в состоянии эмоционального потрясения, которое, как подчеркивал Фрейд, в нормальной ситуации должно привести к исчезновению либидо по отношению к данному объекту и переносу его на другой объект [Freud 2009: 151]. Однако в случае с поэтом этого не произошло, здесь имел место быть совершенно другой процесс. Освобожденное в момент разочарования либидо возвратилось обратно к эго и послужило Блоку тем, что Фрейд называл установлением отождествления «я» с оставленным объектом.

Тень этого объекта, – объясняет Фрейд, – теперь падает на «я», которое можно было оценить с перспективы специфической инстанции как объект, как утраченный объект. Таким образом, потеря объекта стала потерей «я», а конфликт между «я» и любимым человеком приобрел форму конфликта между критикой «я» и «я», трансформированным этим отождествлением [Freud 2009: 152, перевод – I.M.].

¹⁰ <http://blok.lit-info.ru/blok/dnevnik/dnevnik-1901-1902.htm> (11.03.2019).

¹¹ Так воспринимал Блока Андрей Белый, который завел роман с Любовью и уговаривал ее оставить мужа. Любовь металась между Блоком и Белым, отказываясь в итоге от ухаживаний Белого. Спустя годы она будет жалеть, что не развелась с Блоком [см.: Szymak-Reiferowa 1974: XV–XVI].

В этом контексте мечта о Вечной Женственности была для Блока шансом упорядочить отношения с самим собой, с другими и с тем фактом, что жизнь – конечна (в его дневнике отчетливо прослеживаются мысли о смерти и самоубийстве, буквально преследуя его¹²), однако это оказалось утопией. Скорбь, которая настигает поэта после утраты идеала (буквальной и символической), вгоняет его в меланхолическое настроение, которому сопутствует чувство боли и состояние глубокой печали:

У забытых могил пробивалась трава.
Мы забыли вчера... И забыли слова...
И настала кругом тишина...

Этой смертью отшедших, сгоревших дотла,
Разве Ты не жива? Разве Ты не светла?
Разве сердце Твое – не весна?

Только здесь и дышать, у подножья могил,
Где когда-то я нежные песни сложил
О свиданьи, быть может, с Тобой...

Где впервые в мои восковые черты
Отдаленною жизнью повеяла Ты,
Пробиваясь могильной травой... [Блок 1960, т. 1: 274].

Стоит отметить, что идеал, утрату которого переживает Блок, де факто не умер, однако перестал существовать в качестве объекта любви. В этом контексте важной становится не столько потеря другого как реального человека (Любови), сколько потеря другого как объекта любви (Прекрасной Дамы). Фрейд подчеркивал, что меланхолик зачастую может «очень хорошо понимать, кого он потерял в прошлом, но никогда не будет в состоянии осознать, что именно вместе с этим человеком он потерял» [Freud 2009: 149, перевод – I.M.]. Это происходит вследствие того, что Блок не может освободиться от чувств к Любови-Прекрасной Даме, застряв в эмоциональной зависимости, делающей невозможной какую бы то ни было дистанцию. Иначе говоря, эго поэта слишком слабо, чтобы порвать связь с объектом своей любви. Поэтому он вытесняет эти чувства в область бессознательного, где они будут впредь находиться и влиять на него до конца его жизни.

Блок-меланхолик остается привязанным к образу Прекрасной Дамы уже навсегда, даже если не всегда отдает себе в этом отчет. В результате беспокойство, омрачение и разочарование, а также ночные кошмары преследуют его регулярно, что проявляется как в поэзии («Земля пустынна, ночь бледна, / Не жди

¹² См., к примеру, мысли о собственной смерти, записанные Блоком в *Дневниках* 14 августа 1902 г.

былого обаянья, / В моей душе отражена / Обитель страха и молчания» [Блок 1960, т. 1: 47]; «Ты не обманешь, призрак бледный / Давно испытанных страстей. / [...] / Ты только замыслом гнетущим / Еще измучаешь меня» [Блок 1960, т. 1: 72]; «Я печальными еду полями, / Повторяю печальный напев. / Невозможные сны за плечами / Исчезают, душой овладев» [Блок 1960, т. 1: 241]), так и в *Дневнике* («В моей жизни все время происходит что-то бесконечно тяжелое. Люба опять обманывает меня»¹³, «Весь день вилась, увивалась тоска»¹⁴). В отличие от скорби как таковой меланхолия становится для Блока болезнью, и в некотором смысле смертельной. Как объясняет Павел Дыбель,

это связано с невозможностью принять меланхоликом травматичный характер некоторых ключевых сцен его биографии и событий из прошлого, в которых принимали участие он сам и его любимый человек – как правило, обманывающий и использующий его хладнокровно [...]. Поэтому меланхолик вытесняет значение этих сцен, ожидая, что таким образом ему удастся целиком убрать их из своей памяти. Однако цена, которую он за это платит, оказывается существенной: повторяющиеся вспышки агрессии, обращенные на самого себя и приобретающие форму самообвинений, самоуничужения в глазах других, а в крайних случаях даже самоубийства [Dybel 2000: 153, перевод – I.M.].

Блок самоубийства не совершил, но многократно о нем задумывался, воспринимая его как позитивный акт; он ощущал также постоянный холод, каким обдавала его Любовь и который в его творчестве превращался в образ зимы с ключевыми для нее атрибутами: метелью, туманом и морозным ветром («Жарки зимние туманы – / Свод небесный весь в крови. / Я иду в иные страны / Тайнодейственной любви» [Блок 1960, т. 1: 245]; «На ветер зимний я гляжу: / Боюсь понять и углубиться. / Бледнею. Жду. Но не скажу, / Кому пора пошевелиться» [Блок 1960, т. 1: 247]; «Зимний ветер играет терновником, / Задувает в окне свечу. / Ты ушла на свиданье с любовником. / Я один. Я прошу. Я молчу» [Блок 1960, т. 1: 266]; «И зимней ночью, верен сновиденью, / Я вышел из людных и ярких зал, / Где душевные маски улыбались пенью, / Где я ее глазами жадно провожал» [Блок 1960, т. 1: 283]). Поэтому можно сказать, что Блок стал двойной жертвой: собственного «я» и объекта своей любви. И с самим собой, и с возлюбленной он вел неискреннюю игру, балансируя между верой и неверием в чувство-мечту, по очереди споря и мирясь с Любовью – Прекрасной Дамой, ожидая Ее прихода и отталкивая («Утомленный, влюбленный, / Я жду тебя, / Угрюмый, бессонный, / Холодный, как лед» [Блок 1960, т. 1: 270]). Кроме того, вживаясь в роль возлюбленной, он защищал ее перед самим же собой (*Я – меч, заостренный с обеих сторон..., Над этой осенью – во всем...*). Психический парадокс достигает при этом крайней степени, погружая меланхолика в состояние глубокого раздвоения. Это объясняет наличие темы двойника как в поэзии (*Двойник*), так и в дневниках Блока. В них раскрывается драма меланхолика,

¹³ <http://blok.lit-info.ru/blok/dnevnik/dnevnik-1912.htm>

¹⁴ Там же.

который страдает и из-за самого себя, и из-за любимого человека/идеала. Его зависимость от Любви – Прекрасной Дамы приобретает форму крайней зависимости от самого себя, что приводит к расстройству личности.

Согласно психоаналитической интерпретации, это эффект непроработанности факта потери любимого объекта, невозможность принять утрату¹⁵. Этот объект в некотором смысле продолжает существовать, не позволяя Блоку обрести покой («Я к людям не выйду навстречу, / Испугаюсь хулы и похвал. / Пред Тобой Одной отведу, / За то, что всю жизнь молчал. // [...] // Я выйду на праздник молчанья, / Моего не заметят лица. / Но во мне – потаенное знание / О любви к Тебе без конца» [Блок 1960, т. 1: 260]). Драма поэта заключалась в том, что он безуспешно пытался подавить в себе другого, или, точнее, желание с этим другим соединиться. А меланхолия стала той ценой, которую он платил за вытеснение этого желания, проявляя вместе с тем всю драму слабости эго по отношению к другому человеку, его перманентную от него зависимость.

Чувство утраты, мучающее Блока, приводит к тому, что его мысли с нарастающей интенсивностью обращаются к собственной смерти или смерти любимой. Такое состояние ожидания этой финальной черты служит интенсификации психического страдания, которое есть результат глубокого переживания потери. Поэт воспринимает жизнь как постоянную потерю, что напоминает разложенное во времени умирание. Отсюда и мотив смерти, появляющийся в *Распутьях* периодически («Что скажу я тебе – не знаю. / Может быть, от счастья умру» [Блок 1960, т. 1: 253]; «Выносили серебряный гроб...» [Блок 1960, т. 1: 258]; «В смертном весельи – мы два Арлекина – / Юный и старый – сплелись, обнялись!..» [Блок 1960, т. 1: 288]). В конце сборника лирическое «я», погрузившись в пучину собственного естества, призывает смерть, ожидая вместе с ее приходом освобождения от мук («Я зову тебя, смертный товарищ! / Выходи! Расступайся, земля! / На золе прогремевших пожорищ / Я стою, мою жизнь утоля. // Приходи, мою сонь исповедай, / Причасти и уста оботри... / Утоли меня тихой победой / Распылавшейся алой зарей» [Блок 1960, т. 1: 317]). Состояние эмоциональной нестабильности приводит к нарушениям самоидентификации. Стремление к единению с объектом указывает на симбиотический тип личности Блока¹⁶. Его основным качеством является необходимость контакта с другими людьми, чтобы поддерживать ощущение собственной экзистенции. Простое осознание вероятности потери этого контакта вызывает страх. Можно сказать, что в случае такого типа личности эго нуждается в паразитировании на других. Люди с симбиотическими тенденциями, как отмечала Сабина Николемская,

¹⁵ Непроработывание потери ведет, в свою очередь, к зависимости от страдания, спровоцированного утратой. В крайних случаях человека подводит сама способность к утрате, и тогда появляется страдание из-за того, что человек потерял потерю [см. Kobylińska 2007: 33–34, Heim 1999].

¹⁶ О симбиотическом типе личности см.: Mahler 1968; Mahler, Pine, Bergman 1975; Johnson 1994; *Psychologia zaburzeń osobowości: wybrane zagadnienia* 2008.

не имеют цельного «я», адекватно отделенного от других людей. Их разросшееся «я» состоит из суммы реального «я», идеализированного «я» и идеализированного объекта. У симбиотических личностей могут проявляться симптомы такого раздутого «я» или чувство заниженной собственной значимости и стыда. Они ищут контакта, чтобы заполнить свой внутренний дефицит, будучи не в состоянии строить отношения с другим человеком как цельная личность. Выбор партнера, супруга может быть основан на желании найти такого человека, который воплощал бы и усиливал неосознаваемые ими фантазии [Nikodemska, перевод – I.M.].

Меланхоличное эго Блока опасается и самого себя, и мира, в то время как удушающие, постоянно мелькающие желания связаны со смертью, поэтому поэт в итоге воспринимает себя как старика, проклинающего прошлое («Когда я стал дряхлеть и стынуть, / Поэт, привыкший к сединам, / Мне захотелось отодвинуть / Конец, сужденный старикам. / И я опять, больной и хилый, / Ищу счастливую звезду. / Какой-то образ, прежде милый, / Мне снится в старческом бреду. / Быть может, память изменила, / Но я не верю в эту ложь, / И ничего не пробудила / Сия пленительная дрожь» [Блок 1960, т. 1: 281]). В другом стихотворении мы видим его в роли паяца в соединении со своим двойником-стариком в *dance macabre* (*Двойник*). Такие фантазии являются проявлением склонности к интроекции, то есть к полной идентификации с партнером. Ее не только недостаточно для того, чтобы «питать» эго; она также создает впечатление исчезновения, хотя бы на время, внутренней пустоты благодаря поддержанию ощущения экзистенции. Этот механизм ведет к эмоциональной зависимости от объекта любви, исключая сохранение дистанции в отношении другого человека, возможность посмотреть на него со стороны. В этом контексте, кажется, можно говорить об автоматическом переносе себя на объект, а сама идентификация при этом является формой поддержания чувства самоопределения.

Попытки слиться с объектом связаны с надеждой на огромное счастье, избавление от всяческого дискомфорта, приобретение определенной самоидентификации и самооценности. С другой стороны, тесный контакт рождает страх потери собственного «я» и эмоциональную отстраненность [Nikodemska, перевод – I.M.].

Поэтому следует отдавать себе отчет в том, что жизнь сама по себе является большим препятствием на пути к реализации желания; поэт убегает в сторону ее негативных аспектов. И попадает в ловушку, поскольку как негативное явление она может проявиться только в форме деструкции (аутодеструкции), что означает, что «лишь осознание кроющейся всюду вероятности деструкции придает жизни меланхолика смысл» [Földényi 2011: 231, перевод – I.M.]. Блуждая без цели, Блок все больше впадает в отчаяние, из которого он ищет выход, переворачивая все с ног на голову: Прекрасная Дама оказывается теперь бумажной Дамой-Коломбиной, за внимание которой безуспешно борется Блок-Арлекин (*Балаганчик*, 1906). Тем самым, утрата ведет поэта на край света, до самой границы небытия. Осмысляемый таким образом мир расколот, неупорядочен, хаотичен, и, наконец, чужд, но, несмотря на это, такой мир – единственная точка от-

счета для эго. Поэтому поэт, чувствуя себя частью мира, в то же время отчужден, пугающе одинок, а его единственный спутник – это он сам, его двойник.

Грусть и тоска становятся двумя полюсами, между которыми находится распятое душевной болью блоковское «я». Полное единство с любимым объектом заставляет поэта пребывать в состоянии внутренней несогласованности, и это причиняет ему страдание. Однако у этого страдания есть множество сторон, поскольку оно является результатом не только нереализованной любви (и тогда оно болезненно), но также и одиночества, а в этом случае оно может быть блаженством. В творчестве Блока неоднократно можно наблюдать состояния блаженного страдания, которое было следствием напряженного ожидания встречи с Вечной Женственностью. В этом ожидании он находился в состоянии интимного разговора с вечностью, которую, из-за таинственной неопределенности, он называл Бездной: «Бездна – душа моя [...]» [Блок 1960, т. 1: 438]. Стоит отметить, что в этом контексте образ Прекрасной Дамы может быть признан предлогом для того, чтобы открыть Тайну, познать что-то, что никому другому до этого не было дано испытать. С этой целью Блок создает предмет своего обожания: в поэзии им является Прекрасная Дама, в жизни – Любовь, которая прекрасно отдавала себе отчет в том, какую роль определил для нее муж, что также было причиной ее страданий. Объект любви искушает поэта, но лишь потому, что он сам этого желает. Как утверждает Л.Ф. Фолденый, «субъект любви соблазняет любящего, даже если этот субъект не имеет ни малейшего понятия о том, что он, собственно, совершает» [Földényi 2011: 187, перевод – I.M.]. Поэтому оба, и поэт, и его муза, становятся жертвами жажды любви. Мечтая разорвать оковы повседневности, Блок отдается во власть идеалу, становясь его добровольным рабом. Однако тот, другой мир, который притягивал его обещанием воплотить эту мечту, оказался призраком и обманом. Эго, бессильное в любовных отношениях, компенсирует неудачу, переключаясь на любовь к себе. Поэтому источник драмы Блока – в нем самом, его собственные желания стали его проклятием, от которого невозможно убежать. Испытывая меланхолический комплекс, поэт многократно, как сказал бы Фрейд, опустошает собственное «я» до тех пор, пока оно не окажется «в состоянии полного обнищания» [Freud 2009: 155, перевод – I.M.].

Библиография

- Dybel P., 2000, *Urwane ścieżki. Przybyszewski – Freud – Lacan*, Kraków.
Földényi L.F., 2011, *Melancholia*, tłum. R. Reszke, Warszawa.
Freud S., 2009, *Żaloba i melancholia*, [w:] idem, *Psychologia nieświadomości*, tłum. R. Reszke, Warszawa, s. 145–159.
Heim R., 1999, *Utopie und Melancholie der vaterlosen Gesellschaft*, Giessen.
Johnson S., 1994, *Osobowość symbiotyczna i jej leczenie*, tłum. E. Wojciechowska, Warszawa.

- Klein M., 2007, *Pisma*, t. 1: *Miłość, poczucie winy i reparacja oraz inne prace z lat 1921–1945*, tłum. D. Golec, A. Czownicka, Sopot.
- Klibansky R., Panosky E., Saxl F., 2009, *Saturn i Melancholia. Studia z historii, filozofii, przyrody, medycyny, religii oraz sztuki*, tłum. A. Kryczyńska, Kraków.
- Kobylińska E., 2007, *Czarodziejski blok i szpulka. Psychoanaliza i nowoczesność*, „Teksty Drugie”, nr 1–2, s. 21–40.
- Kristeva J., 2007, *Czarne słońce. Depresja i melancholia*, tłum. M.P. Markowski, R. Rzyński, wstęp M.P. Markowski, Kraków.
- Mahler M.S., 1968, *On human symbiosis and the vicissitudes of individuation*, New York.
- Mahler M.S., Pine R., Bergman A., 1975, *The psychological birth of the human infant. Symbiosis and Individuation*, New York.
- Nikodemka S., *Osobowość symbiotyczna w relacji z sobą i innymi ludźmi*, <http://www.psychologia.edu.pl/czytelnia/50-artykuly/655-osobowosc-symbiotyczna-w-relacji-z-soba-i-innymi-ludzmi.html> (10.05.2019).
- Psychologia zaburzeń osobowości: wybrane zagadnienia*, 2008, pod red. L. Cierpiałkowskiej, Poznań.
- Szymak-Reiferowa J., 1974, *Przedmowa*, [w:] A. Blok, *Dzienniki 1901–1921*, tłum. M. Leśniewska, przedm. J. Szymak-Reiferowa, Kraków, s. V–XXVI.
- Белый А., 1994, *Литературный дневник. Об итогах развития нового русского искусства*, [в:] idem, *Критика. Эстетика. Теория символизма: В 2 т.*, т. 2, Москва.
- Блок А., 1960, *Собрание сочинений в восьми томах*, т. 1, 2, Москва–Ленинград.
- Бузор Е.С., 2017, *Смысл любви в философии всеединства Вл. Соловьева*, «Общество: философия, история, культура», № 9, cyberleninka.ru/article/n/smysl-lyubvi-v-filosofii-vseedinstva-vl-solovieva (29.03.2019).
- Гунченко А.В., 2006, *Софиология В.С. Соловьева и учение о Софии в Священном Писании*, «Соловьёвские исследования», № 2 (13), cyberleninka.ru/article/n/sofiologiya-v-s-solovieva-i-uchenie-o-sofii-v-svyaschennom-pisani (20.04.2019).
- Козырев А.П., 1995, *Смысл любви в философии Владимира Соловьева и гностические параллели*, «Вопросы философии», № 7, с. 59–78.
- Колобаева Л.А., 2000, *Русский символизм*, Москва.
- Конева Л.А., 1993, *Философия Вл. Соловьева как явление символизма*, Самара.
- Лосев А.Ф., 2009, *Владимир Соловьёв и его время*, Москва.
- Соловьёв В.С., 1991, *Философия искусства и литературная критика*, Москва.
- Соловьёв В.С., 1997, *София. Начала вселенского учения*, «Логос», № 3, с. 171–199; № 4, с. 275–296; № 5, с. 145–168.
- <http://blok.lit-info.ru/blok/dnevnik/dnevnik-1901-1902.htm>
- <http://blok.lit-info.ru/blok/dnevnik/dnevnik-1912.htm>
- <http://blok.lit-info.ru/blok/dnevnik/dnevnik-1918.htm>

Transliteration

- Blok A., 1960, *Sobranie sočinenij v vos'mi tomah*, t. 1, 2, Moskva–Leningrad.
- Bužor E.S., 2017, *Smysl ljubvi v filosofii vseedinstva Vl. Solov'eva*, «Obščestvo: filosofîa, istorîa, kul'tura», № 9, cyberleninka.ru/article/n/smysl-lyubvi-v-filosofii-vseedinstva-vl-solovieva (29.03.2019).

- Gunčenko A.V., 2006, *Sofiologiâ V.S. Solov'eva i učenie o Sofii v Svâšennom Pisanii*, «Solov'evskie issledovaniâ», № 2 (13), cyberleninka.ru/article/n/sofiologiya-v-s-solovieva-i-uchenie-o-sofii-v-svyaschennom-pisanii (20.04.2019).
- Kozyrev A.P., 1995, *Smysl lûbvi v filosofii Vladimira Solov'eva i gnostičeskie paralleli*, «Voprosy filosofii», № 7, s. 59–78.
- Kolobaeva L.A., 2000, *Russkij simbolizm*, Moskva.
- Koneva L.A., 1993, *Filosofiâ Vl. Solov'eva kak âvlenie simbolizma*, Samara.
- Losev A.F., 2009, *Vladimir Solov'ëv i ego vremâ*, Moskva.
- Solov'ev V.S., 1991, *Filosofiâ iskusstva i literaturnaâ kritika*, Moskva.
- Solov'ev V.S., 1997, *Sofiâ. Načala vselenskogo učeniâ*, «Logos», № 3, c. 171–199; № 4, c. 275–296; № 5, c. 145–168.

Summary

Blok and Freud: A Figure of Melancholy

The early period of Alexander Blok's work (from the period of the thesis) is a testimony to the experience of one's own "I" combined with a journey to the unconscious. It is accompanied by a feeling of melancholy, a reaction to the opposition to reality, in which the poet's powerlessness to cope with all that is external has sought shelter. The origin of melancholic states is a dream about the ideal of femininity, situating the poetic "I" on the boundary of reality and dream. Blok's first volume, containing *Verses About the Beautiful Lady*, shows that melancholy, as Sigmund Freud wanted, is a kind of spiritual crisis, manifesting itself primarily as a problem of the individual with others and with himself. In Freud's mindset, melancholy becomes a central figure in the perception of man, not so much as a mental illness, but a way of referring ego to himself and the outside world through confrontation. Blok emerges from this situation defeated: sadness and longing become two poles between which there exists the poet's ego, stretched to the mental pain. The inseparable unity with the beloved object (the real person was the wife Lyubov Mendeleeva, while the mystical one is the Beautiful Lady) makes the Russian symbolist in a state of mental disharmony. The loss of the ideal leads him to the limits of nothingness. The world he feels is fragmented, heterogeneous, chaotic, and finally alien, and yet it is the only point of reference for the ego. Blok feeling part of the world, is at the same time alienated from it, his only companion is himself – his lookalike.

Key words: *Alexander Blok, melancholy, psychoanalysis, Eternal Femininity, loss*

